

УДК 94(470)+94(=411.16)

Израильтяне в постсоветских странах: «профессионалы», «маргиналы» и другие

Владимир (Зеэв) Ханин

Университет Бар-Илан, Отделение политических наук,
г. Рамат Ган, Израиль

Ариэльский университет, Магистерская программа
по иудаике (израильское наследие), г. Ариэль, Израиль

ORCID: 0000-0001-5603-008X

Ph.D. Профессор

Bar-Ilan University Campus, 52900 Ramat Gan, Israel

Ariel University of Samaria,

40700 Ariel, Israel

E-mail: z.khanin@eajc.org

DOI 10.31168/2658-3356.2022.10

Аннотация. В последние 20–25 лет список стран, которые стали адресом эмиграции израильтян, дополнили и страны бывшего СССР, где по разным оценкам проживает от 45 до 70 тысяч таких лиц. Причем более 90 % из них составляют уроженцы постсоветского пространства, включающие, в свою очередь, как тех, кто переселился в Россию и другие страны бывшего СССР (либо живут на две или более стран), имея достаточно значимый опыт жизни в Израиле, так и так называемых «даркон-

ников» — тех, которые взяли израильский заграничный паспорт (даркон), никогда реально в Израиле не живя. Анализируя данные официальной статистики и результаты опросов этих групп, проведенных с участием автора в 2009–2019/20 годах, представляется возможным констатировать, что ядром первой группы являются лица, мотивированные надеждами полнее реализовать свои профессиональные и деловые возможности в столичных и иных крупных индустриальных и культурных центрах бывшего СССР. К тому же профессионально-поведенческому типу принадлежит и основная масса «дарконников», главная причина чьей «отложенной» реальной репатриации связана с опасением потери наработанного профессионального статуса и привычного уровня жизни. Представители групп, которые перебрались или вернулись в регион первого исхода, мотивированные иными причинами, занимают в структуре разнородного сообщества «израильтян в бывшем СССР» в целом маргинальное положение. Как следствие, существенное ухудшение экономической ситуации и деловой конъюнктуры могут заставить израильтян, живущих в СНГ, вновь перебраться в Израиль — что сегодня частично и происходит.

Ключевые слова: трудовая миграция, русскоязычные израильтяне, социально-профессиональная структура

Введение

Хорошо известно, что во все периоды истории современного Израиля (а до его создания — организованной еврейской сионистской общины Палестины / Эрец Исраэль) евреи не только репатриировались на родину предков, но и по разным причинам, и временами — заметными группами — на время или навсегда покидали эту страну. В последние 20–25 лет адресом такой вторичной миграции стали и страны бывшего СССР, в первую очередь — их столичные и иные крупные индустриальные и культурные центры [Cohen-Kastro 2013: 42].

Точный ответ о числе израильских иммигрантов в СНГ дать невозможно — хотя бы потому, что большинство из них нигде не зарегистрированы в качестве «возвращенцев» — ни в израильских консульствах, ни в местных иммиграционных органах. В итоге, даже если оставить в стороне кочующие в популярных СМИ и социальных сетях утверждения о «100 тысячах израильтян, которые живут в Москве», «50 тысячах в Петербурге», «30 тысячах в Киеве» и т. д., и обратиться к экспертным оценкам разных лет, то и они варьируются в чрезвычайно широких пределах: от 14–28 тысяч во всех постсоветских странах до 45–70 тысяч в одной только России. (Об оценках численности израильских граждан в бывшем СССР и академической и публицистической полемике на этот счет см. [Khanin 2021: 95–99].)

Большая часть подсчетов базируется на экстраполяции той относительно небольшой, по сравнению с другими волнами, алии, доли репатриантов из СССР и постсоветских государств, которые впоследствии покинули Израиль — от 9 до 13 %, из которых, как считается, не менее половины вернулись в страны СНГ. Если это так, то общее число таких людей не должно превышать 60–70 тысяч человек, включая две категории лиц, которые реально эмигрантами не являются — «маятниковые мигранты», живущие на две (или больше) страны, и так называемые «дарконники» — попадающие под критерии израильского Закона о возвращении (ЗОВ) граждане стран СНГ и Балтии, которые взяли израильский заграничный паспорт (*даркон* на иврите) «на всякий случай», никогда реально в Израиле не живя.

Судя по доле оказавшихся в выборке проведенного в 2009 году У. Ревоном и И. Пупко масштабного интернет-опроса «израильской диаспоры за рубежом» уроженцев бывшего СССР, проживавших на момент опроса в постсоветских странах [Revhun, Pupko 2010: 5–6], а также доли «русских» израильтян, оказавшихся в проанализированной Э. Коэн-Кастро базе данных ЦСБ Израила об эмиграции из страны [Cohen-Castro 2013: 44], число «русских израильтян» в СНГ должно составлять порядка 45–47 тысяч человек.

В выборке евреев России в исследовании Е. Тартаковского и его соавторов [Tartakovsky et al. 2017] оказалось порядка 9 % «воз-

вращенцев» из Израиля, что, экстраполируя эти данные на общую численность тамошней «расширенной еврейской популяции» (420–450 тысяч человек), позволяет определить численность израильтян, живущих в России, в 35–40 тысяч человек. Наконец, в репрезентативной, насколько это возможно, выборке нашего масштабного исследования еврейского населения пяти стран бывшего СССР 2019–2020 годов от 5 до 7 % во всех случаях были обладателями израильского гражданства. Соответственно, экстраполяция этих данных на общее число членов домохозяйств еврейского и смешанного происхождения стран постсоветской Евразии (от более 650 000 до 700 000 человек [DellaPergola 2018]) позволяет предположить, что общее число русскоязычных израильтян, постоянно живущих сегодня в этих странах, составляет 40–45 тысяч человек.

Сложности более точных оценок их числа связаны не только с неоднозначным определением самого статуса «израильтянина за границей», но и с целым рядом других факторов. Так, далеко не все реэмигранты (по оценкам — не более трети) регистрируются в качестве «возвращенцев» в местных иммиграционных органах. Да и среди тех русскоязычных израильтян, кто был учтен иммиграционными органами, есть немало лиц, которые вновь иммигрировали в Израиль. Общее число таких возвращенцев в Израиль из стран бывшего СССР в 1989–2018 годах составило более 8500 человек¹. Кроме того, среди израильтян, с разной степенью постоянства пребывающих на территории СНГ и Балтии, имеются не только уроженцы этих стран, но и выходцы из других стран диаспоры, а также уроженцы Израиля (евреи и арабы) — хотя их доля в составе «израильского сообщества» бывшего СССР явно невелика (не более 3–5 %). Наконец, как уже было сказано, далеко не все израильтяне находятся в контакте с израильскими представителями в СНГ, что затрудняет определение их численности.

При любом варианте число постоянно проживающих в СНГ и странах Балтии израильских граждан составляет многие десят-

¹ Данные израильского Министерства алии и интеграции, март 2015 года и май 2019 года.

ки тысяч человек (как отмечено, более 90 % из них — сами уроженцы бывшего СССР). Подобно основной массе израильтян в странах Запада, эмигранты из Израиля в России, Украине и ряде иных постсоветских стран сохраняют сравнительно устойчивую израильскую идентичность, в местах своей концентрации формируют собственные сети неформальных, а иногда и формализованных структур и в целом не растворяются ни в местном еврейском, ни тем более в нееврейском обществе, хотя и поддерживают с ними обширные и многоплановые контакты.

В частности, представители этой категории в последние годы довольно заметны как среди работников и активистов местных и действующих в России и СНГ зарубежных еврейских организаций, так и в профессиональных сообществах постсоветских стран. Следовательно, имеет смысл постараться ответить на логично возникающий в этой связи вопрос: имеем ли мы дело с маргинальным феноменом, либо с социологически важным, несмотря на сравнительно небольшую численность, компонентом постсоветского еврейского и общенационального ландшафта?

Профессиональная структура

Если судить по содержанию немалого числа публикаций в израильской и российской прессе, посвященных израильтянам, ведущим крупный бизнес в странах СНГ, то может сложиться ощущение, что группа израильтян в этих странах если и не целиком состоит из «олигархов», то, во всяком случае, в массе своей принадлежит к местному деловому сообществу. Отчасти это связано с тем, что авторы подобных статей, как правило, составляют свое впечатление об этой группе либо на основе интервью с работающими в России израильтянами — мульти- и просто миллионерами, инициаторами мегапроекты в сфере недвижимости, переработки полезных ископаемых и информационных технологий (см., например, [Page 2005]), либо освещая престижные «тусовки» израильтян в столичных городах, на которых действительно обычно непропорционально широко представле-

ны обладатели израильских паспортов из числа крупных бизнесменов, топ-менеджеров крупных государственных и коммерческих фирм и высокооплачиваемых специалистов.

Не исключено, что не находящиеся глубоко в теме заезжие журналисты могли экстраполировать такие сюжеты на всю израильскую диаспору в России. Впрочем, и местные еврейские общинные деятели нередко оперируют подобными клише. Так, основатель «Комитета ивритоговорящих» при московской синагоге в Марьиной роще раввин движения «Хабад» Яков Фридман в свое время заявлял о «100 000 израильтян, живущих в Москве, приехавших туда, чтобы заниматься бизнесом»². Пресс-секретарь одесской еврейской общины Берл (Болеслав) Капулкин также в 2008 году утверждал, что еще тогда, «помимо местных евреев, в Одессе проживали почти 1000 израильтян, вернувшихся в город и занимающихся там бизнесом»³.

Однако этот чересчур стереотипный образ израильского иммигранта в России и СНГ явно не охватывает всю реальную картину. На практике представители упомянутых деловой, политической, журналистской и профессиональной элиты составляют не более 7–10 % от всех израильтян, работающих в России и Украине. По мнению профессора московской Высшей школы экономики Александра Шпунта,

...нужно разделять две вещи: бизнес и занятость в качестве специалиста. С предпринимательством все гораздо сложнее, и только энтузиасты, очень большие энтузиасты своего дела занимаются предпринимательством в России. С наемными работниками все гораздо проще. Они не связаны с неэффективностью российской государственной системы, с российскими налогами, коррупцией — это их не касается. Они приходят на работу, выполняют ее и получают зарплату. Именно специалистам в России зачастую, оказывается, реализоваться проще, чем в тех странах, где они родились. Здесь быстрее карьерный рост и выше финансовая компенсация [Шпунт 2013].

² Цит. по: [Коган 2010].

³ Цит. по: [Бриман 2008].

И потому среди работающих в России и Украине израильтян намного больше представителей другой категории, которую можно отнести к среднему классу. Она состоит из бизнесменов средней руки, менеджеров среднего звена и высококвалифицированных инженеров, врачей, оплачиваемых по специальным расценкам официально приглашенных в Россию ученых и консультантов, а также других неплохо, по местным меркам, устроенных специалистов. Сюда же можно отнести и членов профессионального руководящего звена местных и международных еврейских организаций и общин.

Нелишним будет отметить, что израильтяне оказались среди первых, кто оценил не только деловую, но и новую профессионально-кадровую ситуацию в России и других странах бывшего СССР которая, по словам профессора Николая Волгина из Международного института государственной службы и управления РАНХИС при Президенте РФ, характеризуется «минимизированностью инженерного корпуса в связи с его невостребованностью в 90-е годы, что и стало причиной современного острого дефицита инженерных кадров в реальном секторе экономики» [Волгин 2013]. В итоге, по данным Шпунта и иных обозревателей, основную массу трудовых мигрантов из Израиля составляют инженеры и технические эксперты, которые заняты в строительном бизнесе, медицине, сельском хозяйстве и ряде других сфер производства.

Но среди живущих в СНГ израильтян достаточно много и тех, кто занимает позиции, имеющие более низкий социальный и профессиональный статус, с соответствующей этому статусу не слишком высокой оплатой труда. Среди них — учителя, «рядовые» инженеры и техники, квалифицированные рабочие, работники сферы обслуживания, журналисты и деятели культуры не из «первого ряда», офисные служащие, владельцы мелких бизнесов и т. д. Наконец, заметную долю *йордим* (эмигрантов из Израиля) составляют и те, доходы которых можно отнести к самым низким категориям — рабочие низкой квалификации, учащиеся и пенсионеры. Эта последняя группа шире, чем в столицах, представлена в провинции, например, по информирован-

ному свидетельству раввина Костромы Нисана Руппо, их немало в городах Поволжья⁴.

Об основных параметрах социально-профессиональной структуры обладателей израильских паспортов в странах бывшего СССР можно, в частности, судить по данным трех исследований этой группы, проведенных под руководством и/или с участием автора этой статьи в 2009–2019 годах. Одно из них — исследование русскоязычных *йордим* в России и Украине, проведенное автором в партнерстве с А. Эпштейном и В. Черниным в 2009 году и дополнительный раунд опроса членов этой группы двумя годами позже. Кроме того, это проведенное в 2011 году исследование израильтян в Украине (в партнерстве с сотрудниками Киевского института иудаики), а также некоторые итоги инициированного Евро-Азиатским еврейским конгрессом и проведенного под руководством автора в 2019–2020 годах опроса еврейского населения пяти постсоветских республик (Беларуси, Казахстана, Молдовы, России и Украины), включая их израильский компонент⁵.

Как можно заметить из приведенных ниже данных, среди «украинских израильтян» было заметно больше, чем в России, бизнесменов (явно за счет мелких и средних предпринимателей) и пенсионеров, вернувшихся в города, откуда они какое-то время назад и репатриировались в Израиль. Треть из опрошенных израильтян в Украине тогда планировали заниматься частным бизнесом или коммерческой деятельностью, каждый пятый собирался работать по найму, а почти половина (44 %) не смогла определиться с ответом. Показательно, что на момент проведения опроса не знали своих планов профессиональной социализации в Украине чаще других респонденты предпенсионного возраста — 55 лет и больше, с полным высшим образованием.

В России, принявшей не столько «возвратных мигрантов» в их родные города, сколько израильтян, совершивших вторую им-

⁴ Персональные интервью автора с равом Нисаном Руппо в июне 2015 и июле 2020 года.

⁵ Параметры выборки, методология и общие итоги этих исследований представлены в работе [Khanin 2021: 13–17].

миграцию в крупные индустриальные, деловые и культурные центры этой страны, намного больший по сравнению с Украиной удельный вес специалистов и менеджеров высокой квалификации, учащихся (особенно студентов, поступающих в престижные российские вузы), а также профессионалов, трудоустроенных в намного более мощных, чем в Украине, еврейских общинных, особенно «зонтичных», организациях и, что естественно, работников сферы культуры и искусства. Отметим, что, несмотря на ряд существенных изменений состава и мобильности сообщества израильских иммигрантов в бывшем СССР, аналогичные тенденции в целом фиксировались и в нашем исследовании 2019 года. (Похоже, что экономический кризис в обеих странах снизил потребность в управленцах высокого ранга и одновременно увеличил долю занятых в сфере услуг.)

В свете этих данных не вызывает удивления, что среди живущих и работающих в России израильтян доля тех, кто полностью удовлетворен и в целом удовлетворен своим нынешним материальным положением, была соответственно в полтора и в два раза выше доли тех, кто был полностью и в целом удовлетворен своим материальным положением в Израиле. Однако в среде возвращенцев в Украину доля этих категорий по сравнению с самооценкой их жизни в Израиле практически не изменилась.

Социально-экономический статус

Следует все же иметь в виду, что удовлетворенность экономическим положением фиксирует не столько объективный социально-материальный статус респондентов, сколько субъективную готовность оценить его как «лучший из возможных». А это, в свою очередь, чаще всего является следствием оценочного ответа на вопрос о целесообразности в свете прошлого и нынешнего опыта, их эмиграции или переноса «фокуса жизни» в Россию и иные страны СНГ. Все это — с точки зрения мотивов переезда и способности удовлетворять свои материальные и культурные

Таблица 1. Социально-профессиональная структура израильских эмигрантов в России и Украине (опросы 2009–2011 и 2019–2020 годов, в % ко всем респондентам)

Профессиональные категории	Россия		Украина	
	2009–2011	2019	2009–2011	2019
Предприниматели, самозанятые	10,1	9 %	19,4	12 %
Старший специалист, менеджер, госслужащий	17,2	8	10,2	4
Инженер, техник	4,1	7 %	9,7	9 %
Медицинский работник	3,6	4	4,2	8
Исследователь, преподаватель вуза	7,1	1	4,2	—
Работник сферы образования, культуры и искусства	10,7	4	5,6	8
Рабочий, продавец, сфера обслуживания	6,9	13	8,3	15
Посланник израильских или зарубежных еврейских организаций	4,1	1	2,8	2
Сотрудник местных еврейских организаций и общин	11,2	7	6,3	9
Студент	16,0	12	6,9	6
Пенсионер, другая деятельность	10,2	23	20,8	28

Таблица 2. Степень удовлетворенности респондентов своим материальным положением в Израиле и после (ре-)эмиграции в Россию или Украину (опрос 2009–2011 годов)

Уровень удовлетворённости	Россия %	Украина %
в Израиле		
Вполне удовлетворен	16,9	22,4
В целом удовлетворен	38,1	46,9
Не удовлетворен	32,5	23,8
После эмиграции		
Вполне удовлетворен	31,3	20,5
В целом удовлетворен	51,9	49,3
Не удовлетворен	15,6	30,1

потребности, диктуемые принадлежностью респондентов к определенной социальной среде.

Это обстоятельство выпукло проявляется в сравнении свидетельств представителей шести типологических категорий израильтян в России и иных странах бывшего СССР, выделенных А. Эпштейном и автором этой статьи [Ханин, Эпштейн 2010]. Членов двух из них — «реэмигранты» и «экономические беженцы» — можно определить как «возвращенцев» в полном смысле этого слова. Причем если члены первой категории нередко объясняют свой шаг стремлением вернуться в страну, которую они считают своей подлинной родиной и основным местом жительства, перечеркнув свой израильский опыт, то представители второй категории покинули Израиль в основном вследствие неустоявшегося финансового положения и в массе своей сохраняют устойчивую идентификацию со страной «второго исхода».

Следующие две группы — это «трудовые мигранты» (русскоязычные и иные израильтяне, намеренные определенный период времени провести в СНГ ради трудоустройства и бизнеса) и «маятниковые мигранты» (бизнесмены и иные израильтяне, живущие «на две страны»). Наконец, две последние категории — это «посланники» (приглашенные из-за рубежа профессиональные функционеры еврейских общин и командированные в бывший СССР сотрудники зарубежных еврейских и израильских организаций и транснациональных корпораций) и иммигранты, уехавшие из Израиля по личным или семейным обстоятельствам.

Так, в двух таких категориях российских респондентов, отъезд которых из Израиля не был в первую очередь мотивирован экономическими причинами — «реэмигранты» и те, кто покинул эту страну по личным и семейным соображениям, — половина и более 60 % опрошенных были вполне или в целом удовлетворены своим экономическим положением в Израиле. Если доля неудовлетворенных экономическим положением «сегодня» по сравнению с периодом жизни в Израиле в обеих категориях практически не изменилась, то доля тех, кто заявил, что они «вполне удовлетворены» своим материальным положением

Таблица 3. Насколько вы были удовлетворены своим материальным положением в Израиле и насколько удовлетворены теперь? (опрос 2009–2011 годов, в % ко всем опрошенным)

	Типологические группы						Всего
	Реим-мигранты	Трудовые мигранты	Посланники	Маятниковые	По личным причинам	Эконом. беженцы	
Был вполне удовлетворен	5	15,4	42,9	18,8	23,1	0	16,9
Сегодня вполне удовлетворен	35,0	32,7	42,9	31,3	28,2	20,0	31,3
Был в целом удовлетворен	45,0	40,4	14,3	46,9	38,5	0	38,1
Сегодня в целом удовлетворен	40,0	50,0	28,6	62,5	56,4	50,0	51,9
Не был удовлетворен	30,0	36,5	42,9	31,3	15,4	80,0	32,5
Не удовлетворен сегодня	25,0	15,4	28,6	6,3	12,8	30,0	15,6
Не могу оценить — тогда	20,0	7,7		3,1	23,1	20,0	12,5
Не могу теперь оценить		1,9			2,6		1,3
Всего	100 %	100 %	100 %	100 %	100 %	100 %	100 %

в России по сравнению с Израилем, среди реэмигрантов выросла в целых семь раз. А вот среди «покинувших Израиль по личным причинам» эта доля также осталась практически неизменной, что трудно объяснить иначе, чем наличием в первом случае и отсутствием во втором эмоционально-идеологического фона для эмиграции из Израиля.

Столь же очевидны различия между категориями респондентов, в мотивах переезда которых доминировали экономические соображения — «трудовых» и «маятниковых» мигрантов и «экономических беженцев». Степень удовлетворенности своим материальным положением для членов этих групп является скорее фактором их личных профессионально-деловых амбиций и определенной для себя планки стандартов уровня и качества жизни — высоких в первых двух группах и относительно умеренных для членов третьей. И это понятно в свете того, что если две трети «трудовых» и «маятниковых мигрантов» и в Израиле были вполне или в целом удовлетворены своим экономическим положением, то среди «экономических беженцев», что логично, таких не было вообще.

Возможно, более объективным индикатором является оценка собственных доходов исходя из принятых в стране пребывания понятий и критериев. Так, в Украине, в соответствии с этими понятиями и критериями, к категории малообеспеченных себя отнесли более четверти израильтян-респондентов, среднего достатка — около половины, а выше среднего — около 16 % (вдвое меньше, чем в России).

Нечто подобное имело место и 8–10 лет спустя: израильтяне, которые были частью нашей российской и украинской выборки 2019 года, существенно чаще, чем не имеющие опыта жизни в Израиле местные евреи и члены их семей, говорили о том, что их материальное положение является вполне или в целом благополучным. Но вновь экономическое положение израильтян в России определялось ими как вполне или в целом благополучное почти в полтора (а москвичами — почти в два) раза чаще, чем их дважды соотечественниками в Украине.

Очевидно, что важным фактором подобных самооценок является динамика профессионального статуса респондентов до и после реиммиграции из Израиля в страну исхода или новой эмиграции в иные страны бывшего СССР (как правило, в Россию). В большинстве случаев, как было видно из контекста ответов респондентов, имело место позитивное ощущение этой динамики, причем не всегда подкрепляемое достижением ожидаемого уров-

Таблица 4. Как бы вы определили свое материальное положение (опрос членов «расширенной» еврейской популяции в России и Украине, 2019)

Оценка материального положения	Категории			
	Россия		Украина	
	Израиль- тяне	Местные евреи	Израиль- тяне	Местные евреи
Вполне благополучное	26 %	16 %	23 %	15 %
В целом хорошее	52 %	55 %	40 %	45 %
Неудовлетворительное	11 %	18 %	28 %	28 %
Сложно оценить	8 %	8 %	9 %	9 %
Не смогли ответить	3 %	3 %	—	4 %
Итого	100 %	100 %	100 %	100 %
%				
Число	62	739	53	811

ня доходов. В этом смысле ситуация в России, где квалификация и опыт израильских эмигрантов оказались высоко востребованы, особенно в период местного экономического бума нулевых годов, нередко отличается от положения эмигрантов в других странах «русско-израильской диаспоры», например в Канаде [Soibelman 2008; Remennik 2006], где наблюдается наибольшая концентрация русскоязычных израильтян-эмигрантов за пределами бывшего СССР (по разным оценкам, 17–25 тысяч человек)⁶.

Правовой статус, «укорененность» и миграционная динамика

Означает ли эта субъективная удовлетворенность израильских мигрантов своим материальным положением в России и иных постсоветских государствах то, что они осели в этих странах

⁶ Данные Jewish Federation of Toronto, представлены автору посланником директора еврейской общины Торонто по работе с русскоязычными евреями Нелли Фельдшер (Торонто, май 2010 года); и [Brym et al. 2018: 73].

«всерьез и надолго»? Очевидно, что при поиске ответов на этот вопрос материальная удовлетворенность — критерий критически важный, но явно не единственный. Научная литература, посвященная проблемам мобильности (первичной и вторичной) мигрантов в принимающем обществе и разработке критериев их «укорененности», достаточно обширна⁷. Опираясь на эти работы, в контексте интересующего нас вопроса — является ли сообщество израильтян в России долгосрочным или преходящим феноменом — следует говорить о двух категориях таких критериев — субъективных и объективных.

К первой группе следует отнести упоминаемые в академических исследованиях, а также не раз отмеченные респондентами, с которыми в ходе нашего исследования были проведены углубленные экспертные интервью, критерии «самоопределения» и «намерений»⁸. Очевидно, что при современных средствах связи и мобильности капитала, населения, товаров и идей место жительства человека не является столь же значимым, как раньше. Израиль как страны, имеющей мощное внешнее экономическое и идеологическое представительство, это касается едва ли не в первую очередь. Как полагал видный стартап-менеджер, журналист и общественный деятель Антон Носик (ныне покойный), Израиль в силу системных экономических и социальных факторов — это «страна путешественников», в которой люди, достигая определенного уровня, начинают ездить по миру, время от времени оставаясь в некоторых его частях надолго, отчего создается иллюзия *ериды* (отъезда из Израиля навсегда), часто не подкрепленная ничем, кроме штампа в паспорте о выезде из Израиля.

И потому как в России, так и в других странах за пределами Израиля имеется множество обладателей израильских паспортов, не живущих на постоянной основе в Израиле, по формальному критерию МВД Израиля являющихся *йордим*, но которые сами себя к таковым не относят, ибо они работают в израильских

⁷ См., например, [Goodman 2010; Soysal 2010; Колосов, Вендина 2011].

⁸ Автор признателен московскому социологу Евгению Варшаверу, который провел часть интервью, собранных в ходе исследования 2009 года.

фирмах, участвуют в экономике Израиля, пользуются ивритом как для общения, так и в качестве общиннообразующего и идентификационного символа и ежедневно просматривают израильские новостные сайты.

В итоге, по мнению А. Фейгина (на момент интервью — посланника Еврейского агентства «Сохнут» по еврейскому образованию), когда «в мобильном современном мире никакой стаж пребывания вне Израиля не превращает человека автоматически в *йордим* [sic]», на первый план выходит вопрос самоопределения. Иллюстрацией этому замечанию может служить высказывание гражданина России и Израиля, главы балтийского бюро международной русскоязычной телекомпании RTVi, в прошлом — журналиста израильских СМИ Евгения Эрлиха. В эфире русскоязычного радио израильской корпорации публичного вещания «Кан» Эрлих признал, что и по прошествии более чем трех лет, прожитых им в Риге на момент интервью, он все еще чувствует дискомфорт, когда его, по мировоззрению и по самоощущению израильянина, называют «латвийским журналистом»⁹.

Впрочем, оговаривается Фейгин, и это «не идеальный выбор критерия, потому что самоопределение редко рассказывает о человеке объективную правду». Показательно, что в ходе нашего опроса 2009 года лишь 4 и менее 6 % респондентов соответственно выбрали варианты ответов, говорящие об их «радикально антииммигрантской» самооценке. Иными словами, «я здесь в командировке — закончится срок пребывания, и тут же вернусь» или «я, в сущности, никуда и не переезжал — живу в Израиле, а здесь просто временно работаю». (Так заявили около трети «посланников» и менее пятой части «маятниковых мигрантов», в остальных категориях таких почти или вообще не было.) Правда, в 2019 году заверявших нас, что на самом деле они постоянно живут в Израиле, а в СНГ временно работают, учатся или решают свои личные вопросы, было уже 14 %, что вписывалось в общую динамику роста алии в Израиль, захватывающую и живущих в России и Украине израильян.

⁹ Радио «Голос Израиля» — КАН-РЕКА, 6 июня 2017 года.

Другой, также субъективный критерий оценки степени «укорененности» израильских иммигрантов в России связан с категорией «намерения», что подразумевает как «намерение жить в Израиле» в момент алии (речь, понятно, идет об уроженцах бывшего СССР, составляющих более 90 % этой группы), так и о «намерении жить вне Израиля» после отъезда из страны. Подобный подход позволяет выстроить «спектр укорененности» в соответствии с мотивацией переезда — от «старых дарконников», которые никогда не рассматривали Израиль как место постоянного жительства, и до «посланников» (*илихтм*), для которых Россия и постсоветское пространство — лишь место командировки, и намерение поселиться вне Израиля у них отсутствует.

При этом очевидно, что целиком полагаться на субъективные намерения для оценки уровня оседлости израильских иммигрантов в России также нельзя. Бывший сотрудник израильского консульства в Москве Мария Русина приводит типичную модель трансформации таких приоритетов:

Классическая история: папа работает в Израиле, пусть не в хайтеке, зарабатывает сравнительно неплохо, у него бизнес-жилка, он понимает, что в России меняется конъюнктура, семья переезжает и застревает. У него свой бизнес. Получилось ли у него улучшить положение — неизвестно, но повторный переезд — это новые опасности и риски, так что вся семья остается в России, хотя, может быть, планировался не переезд, а временное проживание в России с последующим возвращением.

Особенно быстрая смена жизненных планов, судя по нашим данным, имеет место среди «маятниковых мигрантов» и тех, кто покинул Израиль по личным и семейным причинам. Таким образом, оба субъективных параметра — самоидентификация и жизненные планы — являются весьма неустойчивыми факторами, строить на которых определение представляется почти невозможным, и потому они мало подходят для исследовательских и еще менее — для официальных целей.

В связи с этим на первый план выходят объективные критерии. Первым из них является определение респондентами своего местопребывания, которое, хотя и выглядит субъективным, все же базируется на вполне понятных физических параметрах, прежде всего времени, проводимом израильтянами в Израиле и России. Как видно из собранных нами данных, наиболее укорененными в этом смысле в России категориями израильтян являются «реиммигранты» и «трудовые мигранты». Первые, по крайней мере в момент интервью, были уверены, что вернулись в Россию навсегда, для вторых Россия являлась главным фокусом их экономической деятельности и, следовательно, — жизненных планов. Сюда также относятся «посланники», которых теоретически следовало бы обозначить как «временно сильно укорененных» в России израильтян, если не принимать во внимание еще одного важного обстоятельства: в последние 10–15 лет представители этой категории стали одним из важнейших «резервов» высших управленческих кадров для местных коммерческих и общественных организаций.

Самый, пожалуй, яркий, но далеко не единственный пример этого явления — бывший посол Израиля в Азербайджане, а потом в России Аркадий Мильман. По завершении посольской каденции в 2006 году около года он неофициально исполнял функции руководителя образовательного фонда «Genesis» российского миллиардера Михаила Фридмана и консультировал ряд крупных еврейских предпринимателей стран СНГ. В 2008 году Мильман представлял интересы бывшего российского банкира, мульти-миллионера Игоря Линшица, а в феврале 2012 года стал президентом израильской дочерней компании российского государственного концерна «Роснано» — RUSNANO Israel, целью которой является отбор проектов, нацеленных на налаживание производства перспективных нанотехнологических продуктов на территории России.

В этом смысле с точки зрения жизненных планов «посланники», по мнению наблюдателей, представляют широчайший спектр моделей поведения — от тех, кто «буквально считает дни» до возвращения в Израиль, и до тех, которые «все время своей ра-

боты в России готовятся ко дню ухода с поста, налаживая необходимые связи» [IzRus 2008]. Не случайно только половина опрошенных в этой категории однозначно заявили, «что они вернутся в Израиль в любом случае». В целом же называют Россию страной своего основного местожительства 70 % опрошенных нами израильтян.

Следующим объективным критерием является наличие или отсутствие у израильтян за границей местного, в данном случае российского гражданства. Учитывая, что таковое имеется у примерно 69 % наших респондентов, этот факт следовало бы считать признаком высокой укорененности израильтян в России. (Среди прочего, оно есть у трети посланников, у 53 % «маятниковых мигрантов», у 70 % трудовых мигрантов и у 74 % респондентов, уехавших из Израйля по личным причинам.)

Дополнительным подтверждением этой тенденции можно считать стремление приобрести российское гражданство проживающими в РФ уроженцами Израйля (в подавляющем большинстве — рожденными в семьях выходцев из бывшего СССР). Согласно данным всероссийской переписи населения 2010 года, российское гражданство — по праву рождения, в порядке признания или после соответствующего обращения в органы власти — имели 85 % таких лиц [Чудиновских 2014: 101]. Учитывая, что такие лица также составляют абсолютное большинство получивших российское гражданство израильтян в возрасте до 18 лет, а те, в свою очередь, составляли, по данным ФМС России, более трети всех новых граждан РФ, назвавших Израиль страной своего прежнего проживания [Чудиновских 2014: 76], эти данные отражают общую картину по сообществу «российских израильтян» в целом.

Но в отличие от израильтян, живущих в странах Запада, у которых, как утверждается, стремление получить вид на жительство или гражданство страны пребывания обычно свидетельствует о намерении остаться там надолго или навсегда, в отношении израильтян в СНГ это совсем не так. Российский или украинский паспорт чаще всего воспринимается как не более чем инструмент решения прикладных вопросов — трудоустройства, открытия

бизнесов, «оптимизации» налогообложения, решения юридических, организационных и бытовых проблем и т. д.

К тому же ни официально признающий двойное гражданство Израиль, ни официально не признающие такое гражданство, но закрывающие на это глаза российские власти не имеют проблем с наличием у «российских израильтян» обоих паспортов и не требуют отказаться от одного из них. Поэтому отказ от израильского гражданства иммигрантами из Израиля ради получения или восстановления местного паспорта либо по иным причинам является событием довольно редким. В большинстве подобных случаев речь идет о представителях двух групп. Это, во-первых, «дарконники» из числа крупных бизнесменов, управленцев или политиков, которые в тот момент, когда они, как это нередко бывает, получают назначение на высокий пост в госаппарате либо место в региональном или федеральном законодательном органе, вынуждены, согласно закону, отказаться от всех иностранных гражданств (резонансные примеры такого рода см. в [Khanin 2021: 133–135]). Второй случай — это глубоко разочарованные в Израиле «реиммигранты», отказывающиеся от израильского гражданства по идейным соображениям. (Таким нечастым примером была опрошенная Мариной Саприцкой «дважды одесситка», вернувшаяся в свой родной город Одессу после 11 лет, проведенных в Израиле [Sapritsky 2016: 74].)

Вряд ли эти люди составляли сколь угодно заметную часть тех респондентов нашего опроса 2019 года, которые заявили, что «раньше они имели израильское гражданство, но теперь его у них нет»: такие лица составили почти 20 % попавших в ту выборку иммигрантов из Израиля. В подавляющем большинстве подобных случаев, по свидетельству директора консульского управления израильского правительственного Бюро по связям с евреями Восточной Европы Геннадия Полищука, хорошо знакомого с этой темой, речь, скорее всего, идет о недоразумении. Многие из людей, эмигрировавших из Израиля достаточно давно, полагают, что вместе с истечением срока действия израильского заграничного паспорта («даркона») они теряют и израильское гражданство. Еще чаще так считали те, кто был вывезен из Израиля родителем-

ми в детском возрасте¹⁰. Понятно, что ментально такие люди себя считают «укорененными» в России, Украине, Молдове, Беларуси или другой постсоветской стране, гражданами которой они себя ощущают в первую очередь.

В целом же, за исключением редких случаев, большинство живущих в постсоветских странах израильтян, даже имея российское или иное постсоветское гражданство, не развивают в себе русскую идентичность, но сохраняют идентичность еврейско-израильскую. Таким образом, получение, восстановление или «активизация» такого гражданства в подавляющем большинстве случаев не является «якорем», привязывающим иммигранта к новой или «вновь обретенной» стране.

Третьим и четвертым объективными критериями стабилизации нахождения граждан Израиля в России является наличие недвижимой собственности в стране проживания, а также присутствие в ней семьи. В этих случаях, по мнению наших экспертов, можно предположить, что вне зависимости от первоначальных планов человек «осел» за пределами Израиля и в его ближайшие планы возвращение не входит. По мнению израильско-российского предпринимателя Авигодора Ярдени, именно «централизация жизни на данный момент» с теми же индикаторами — наличие собственности и наличие семьи рядом — является более релевантным параметром, чем значительно более расплывчатая категория «намерений» остаться или вернуться.

Итак, израильские эмигранты в России разделились на две примерно равные группы: у 47 % из них в Израиле остались те или иные близкие родственники, а семьи 53 % постоянно живут в России. В этом смысле вновь выделяются «маятниковые мигранты», две трети которых сообщили, что их семьи либо живут в Израиле, либо разорваны между Израилем и Россией. Это еще раз указывает на наиболее динамичный характер данной группы, которую в России кроме бизнеса мало что держит. И напротив, «реиммигранты» и «экономические беженцы», перебравшись, в своем подавляющем большинстве, в Россию целыми семейны-

¹⁰ Интервью автора с Геннадием Полищуком, Иерусалим, июнь 2020 года.

Таблица 5. Определение своего постоянного места жительства

	В Израиле	В СНГ	«И здесь, и там»	Затруднились ответить	Всего
В какой стране вы постоянно живете					
Российская выборка	1,9	70,4	21,4	6,3	100 %
Украинская выборка*	4,8	63,9	21,3		100 %
В какой стране постоянно живет ваша семья					
Российская выборка	14,6	53,2	32,3	-	100 %
Украинская выборка*	8,8	67,4	23,6		100 %

*В данных по украинской выборке не учтены респонденты, которые затруднились ответить.

ми кланами, вновь подтвердили свою репутацию групп, принявших решение связать свою судьбу в обозримом будущем с этой страной.

Для сравнения отметим, что «укорененность» израильских иммигрантов в Украине оказалась существенно выше, чем в России: лишь у менее чем 9 % израильян, живущих в Украине, семьи живут в Израиле (против 15 % израильян, живущих в России), и менее чем у четверти (против трети у израильян в России) семьи разделены между Израилем и СНГ.

Начиная примерно с 2014 года наблюдатели стали отмечать, что, параллельно оживлению алии из России и Украины, в то же время имеет место сокращение времени, которое «маятниковые» и «трудовые мигранты» проводят в этих странах. Кроме того, часть мужчин из этих групп предпочла вернуть в Израиль детей и, в некоторых случаях, также жен. Однако на момент написания этих строк данная сравнительно новая тенденция еще не слишком влияет на вышеописанную картину.

Основные выводы

Очевидно, что существующие формальные критерии явно недостаточны для описания всего многообразия групп населения, так или иначе подпадающих под те или иные определения понятия «израильтяне за границей». «Расширенная популяция» израильтян в СНГ, как, впрочем, и в США и Европе, включает в себя широчайший спектр обладателей израильских паспортов. Диапазон этого спектра — от уроженцев Израиля, общающихся в семье исключительно на иврите и слабо владеющих русским, и до местных уроженцев смешанного происхождения, никогда, по сути, не проживавших в Израиле и совершенно не владеющих ивритом, но взявших израильский загранпаспорт (*даркон*) или *теудат маавар* (travel document) «на всякий случай». Равно как и неочевидно включение в одну группу тех, кто прельстился статусом гражданина Израиля ради свободы перемещения или ведения дел в странах Запада, и *илихим* — посланников зарубежных еврейских организаций и коммерческих компаний, рассматривающих свое пребывание в России и СНГ просто как более или менее длительную командировку. Это, однако, не исключает и наличия, в случае выбора конкретного типологического параметра, общего знаменателя для сравнения всех указанных подгрупп.

С точки зрения темы, заявленной в этой статье, таким параметром является социально-профессиональная мотивация (professional commitment) обеих категорий обладателей израильского гражданства, «фокус жизни» которых находится на постсоветском пространстве. Во-первых, это те, кто имеет достаточно значимый (от 5 до более чем 20 лет) опыт жизни в Израиле или родился там. Во-вторых, те (назовем их «новые израильтяне в России и СНГ» — соответствующие критериям ЗОВ граждане постсоветских стран, статистически значимое число которых появилось в последние 5–6 лет), кто провел в Израиле менее года или обзавелся израильским паспортом, никогда там реально не проживая. (По нашим оценкам, по состоянию на май 2020 года порядка 22–30 тысяч человек.)

Судя по приведенным здесь данным наших и иных исследований, можно заключить, что ядром первой группы являются «экономические» и «маятниковые» мигранты, а также «посланники» — то есть лица, которым в целом было неплохо и в Израиле, но кто в какой-то период своей жизни принял решение полнее реализовать свои профессиональные и деловые перспективы в России, Украине или, реже, иных странах бывшего СССР. Данный вывод вполне согласуется с оценками тех экспертов, кто, подобно А. Шпунту, полагает, что большая часть постоянно проживающих в России израильтян —

...это отнюдь не пенсионеры, которые уехали в Израиль, а затем почему-то вернулись в Россию <...> а люди, которые приехали сюда зарабатывать деньги. Они находят себе применение в экономике <...> [поскольку] в России до сих пор есть серьезный дефицит специалистов. <...> Это приводит к тому, что израильский программист в Москве будет получать значительно больше, чем он получает в Израиле при примерно равной занятости и равной позиции. Это и вытягивает квалифицированных специалистов, особенно тех, у кого есть либо приобретенный, либо родной русский язык — в Россию [Шпунт 2013].

К тому же профессионально-поведенческому типу, насколько можно судить, принадлежит и основная масса «новых дарконников», которые в подавляющем большинстве случаев так же, как и мигранты из Израиля, преимущественно проживают в крупных деловых, культурных и политических центрах постсоветских государств. Главная причина их «отложенной» реальной репатриации, по почти коллективному мнению опрошенных нами представителей этой среды и иных наблюдателей, — опасения потери наработанного профессионального статуса, обеспечивающего этим людям сохранение привычного уровня жизни. С учетом всех этих обстоятельств весьма разнородное сообщество «израильтян в бывшем СССР» можно рассматривать как общину, или «общины профессионалов»; представители же групп, которые перебрались или вернулись в регион первого исхода, будучи

мотивированы иными причинами, занимают в этой структуре в целом маргинальное положение.

Из всего сказанного может следовать и дополнительный вывод: существенное ухудшение экономической ситуации и, как следствие, деловой конъюнктуры могут заставить израильтян, живущих в СНГ, вновь перебраться в Израиль. Заметим, что именно такой мотив своего возможного возвращения выбрали 25 % наших респондентов в России, причем, как и следовало ожидать, среди «трудовых мигрантов», в свое время отправившихся в Россию на заработки, таких оказалось в полтора раза больше, чем в среднем по выборке. Политические катаклизмы, экономический кризис и как следствие — возможный рост антисемитизма на фоне социальных конфликтов могут стать необязательным, но возможным антуражем этого основного фактора.

В целом пятая часть респондентов нашего российского исследования 2009–2011 годов была уверена в своем будущем возвращении в Израиль, почти половина серьезно рассматривала такую возможность, в то время как 20 % видели в ней вариант на случай экстренной ситуации. Именно такие тенденции некоторые наблюдатели отмечают в последние несколько лет. В конце 1990-х и в начале 2000-х годов, замечает хорошо знакомый с ситуацией в России глава русскоязычной адвокатской коллегии Израила Эли Гервиц,

...Израиль <...> «проиграл России» очень много людей очень определенного социально-экономического среза. Это были молодые 30-летние ребята с отличным западным израильским образованием, с хорошим английским, с, безусловно, не забытым русским, которые понимали, что в России потенциал всегда будет больше, чем в Израиле. В 2010-е [этот вектор] поменял направление на противоположное. [Сегодня] возвращаются в Израиль удачливые 40-летние бизнесмены и топ-менеджеры, которые 10 лет назад переехали из Израила в Москву. Некоторых тянут семьи — жизнь в Москве очевидно более требовательна, чем в Израиле. Может быть, потому что <...> обеспечение комфорта граждан не сильно уживается с имперскими амбициями. Ко-

го-то вытолкнул дорогой доллар или [перспективы стать клиентами] «бесплатной» [российской] медицины и российского социального обеспечения [Гервиц 2016].

Заметим, что подобные настроения значительно усилились в последние несколько лет, причем частью того же тренда становятся и «новые дарконники», среди которых активизируется динамика реального переезда на ПМЖ в Израиль, а израильская общественная повестка дня становится все более заметным компонентом их мировоззрения [Khanin 2021: 283–295].

Итак, израильтяне в России и в некоторой степени также и в Украине в большинстве своем (за вычетом «реиммигрантов» и части «экономических беженцев») представляют собой своеобразную группу профессионалов, одновременно укорененных в местном обществе и обладающих высокой потенциальной динамикой.

Источники

Бриман 2008 — *Бриман Ш.* Израильский ХАБАД берет Одессу под контроль // IzRus, 03.08.2008. URL: <http://izrus.co.il/diasporaIL/article/2008-08-03/1520.html#ixzz2ZxqX4fZ0> (в настоящий момент ресурс не доступен).

Волгин 2010 — *Волгин Н.* В Россию едут потому, что здесь интересно // Московский Центр политического анализа, 15.07.2013. URL: <http://tass-analytics.com/opinions/387> (в настоящий момент ресурс не доступен).

Гервиц 2016 — *Гервиц Э.* «Путинская» алия и ее отличие от алии 90-х: от хорошего к лучшему // *Сноб*, 14.06.2016. URL: <https://snob.ru/profile/28934/blog/109621>

Коган 2010 — *Коган А.* Как в Москве объединились израильские бизнесмены // IzRus, 01.03.2010. (дата обращения: январь 2010 года).

Колосов, Вендина 2011 — *Колосов В., Вендина О.* Повседневная жизнь и миграции населения (на примере белгородско-харьковского участка границы) // *Российско-украинское пограничье: двадцать лет разделенного единства* / Под ред. В. А. Колосова и О. И. Вендиной. М.: «Новый Хронограф», 2011. С. 162–180.

Ханин, Эпштейн 2010 — Ханин В. (З.), Эпштейн А. Возвращение на Родину или трудовая эмиграция? Русскоязычные израильтяне в России // *Диаспоры*. 2010. № 1. С. 101–128.

Чудиновских — Чудиновских О. О политике и тенденциях приобретения гражданства Российской Федерации в период с 1992 по 2013 гг. // *Демографическое обозрение* (Москва). 2014. № 3. С. 65–126.

Шпунт 2013 — Шпунт А. Несколько отраслей российской экономики держатся на труде экспатов // *Московский Центр политического анализа*, 15.07.2013. URL: <http://tass-analytics.com/opinions/384> (дата обращения: май 2015 года).

Brym et al. 2018 — Brym R., Neuman K., and Lenton R. Survey of Jews in Canada: Final Report. Toronto: Environics Institute for Survey Research, University of Toronto, and the York University, 2018.

Cohen-Castro 2013 — Cohen-Castro E. Emigrating Israeli Families: Who Goes Where? Characteristics of Families of Israelis Who Immigrated to Three Destinations: the United States; Central and Western Europe; and the former Soviet Republics and Eastern Europe. Working Paper Series, № 74. Jerusalem: Israeli Central Bureau of Statistics (CBS) — Demography and Census Department. January 2013.

Della Pergola 2018 — Della Pergola S. World Jewish Population, 2018 // *The American Jewish Year Book*, 2018. Vol. 118 / Eds. A. Dashefsky and I. M. Sheskin. Dordrecht: Springer, 2018. P. 361–452.

Goodman 2010 — Goodman S. W. Integration Requirements for Integration's Sake? Identifying, Categorizing and Comparing Civic Integration Policies // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 36. № 5. 2010. P. 753–772. DOI: 10.1080/13691831003764300

IzRus 2008 — Еврейский олигарх Линшиц и его «личный работник МИДа» // *IzRus*, 09.05.2008 (дата обращения: январь 2010 года).

Khanin 2021 — Khanin V. (Z.). From Russia to Israel — and Back? Transnational Russian Israeli Diaspora. Berlin and Boston: De Gruyter, 2021. 334 p.

Page 2005 — Page J. Once desperate to leave, now Jews are returning to Russia, land of opportunity // *The Times*. 2005. April 28.

Remennik 2006 — Remennik L. Russian Jews in the Global City of Toronto: A Pilot Study of Identity and Social Integration // *SPACE, POPULATIONS, SOCIETES*. № 1. 2006. P. 61–81. URL: <https://doi.org/10.4000/eps.1235> (дата обращения: 14.08.2022).

Revhun, Pupko 2010 — Revhun U., Pupko I. Krovim-Rehokim: hagira, Zehut Yehudit ve-Zika le Moledet ba'kerev ha-israelim ba-hu'l [Distant Close Ones: Emigration, Jewish Identity and Vision of the Motherland of Israelis

Abroad]. Research Report. Jerusalem: Hartman Institute of Contemporary Jewry, The Hebrew University of Jerusalem, 2010 [in Hebrew].

Sapritsky 2016 — *Sapritsky M.* Home in the Diaspora? Jewish Returnees and Trans-migrants in Ukraine // *The New Jewish Diaspora: Russian-Speaking Immigrants in the United States, Israel, and Germany* / Ed. Z. Gitelman. New Brunswick, NJ.: Rutgers University Press, 2016. P. 60–74.

Soibelman 2008 — *Soibelman L.* Moving around the world: Russian Jews from Israel in Toronto. MA Thesis. Toronto: Ryerson University, the Program of Immigration and Settlement Studies, 2008.

Soysal 2010 — *Soysal Y. N.* Limits of Citizenship: Migrants and Post-national Membership in Europe. Chicago: University of Chicago Press, 2010. 251 p.

Tartakovsky et al. 2017 — *Tartakovsky E., Patrakov E., and Nikulina M.* Motivational goals, group identifications, and psychosocial adjustment of returning migrants: The case of Jews returning to Russia // *International Journal of Psychology*. № 52 (Suppl. 1). 2017. P. 78–86. URL: <https://doi.org/10.1002/ijop.12291> (дата обращения: 14.08.2022).

Israelis in Post-Soviet Countries: “Professionals,” “Marginals,” and Others

Vladimir (Ze'ev) Khanin

Bar-Ilan University,
Ramat Gan, Israel
Ariel University, Ariel, Israel

ORCID: 0000-0001-5603-008X

Ph.D., associate professor, Department of Political Studies,
Bar-Ilan University, 52900 Ramat Gan, Israel
Graduate Program in Jewish Studies (Israel Heritage), Ariel
University, 40700 Ariel, Israel
E-mail: z.khanin@ejc.org

DOI 10.31168/2658-3356.2022.10

Abstract. According to various estimates, between forty-five thousand to seventy thousand Israeli citizens currently live in former USSR states; and more than 90% of them are natives of these states. This

community includes both those who left Israel for the FSU, or share their time between their two countries having lived for a substantial number of years in Israel, and the significant number of persons who obtained an Israeli passport (darkon) but never lived for long in Israel. Drawing on available official statistical data, as well as data produced by sociological studies of these groups conducted in 2009–2019 under my supervision, I conclude that the Israeli Diaspora in the FSU can be defined as a “community of professionals.” People’s migration or, in the overwhelming majority of cases, their decision to refrain from full Aliya to Israel was motivated by a wish to better use their professional and business skills in large former USSR industrial, commercial, and culture centers. People who (re-)immigrated to the FSU for other reasons occupy a marginal position in their Jewish communities. As a result, continued economic decline in Russia and the CIS may stimulate a new resettlement of these Israelis in Israel.

Keywords: Labor migration; Russian-speaking Israelis; socio-professional structure

References

Chudinovskikh, O., 2014, O politike i tendentsiyakh priobreteniya grazhdantstva Rossiiskoi Federatsii v period s 1992 po 2013 [On policy and trends in obtaining of the Russian Federation citizenship between 1992 and 2013]. *Demograficheskoye obozreniye* (Moscow) 3, 65–126.

Della Pergola, S., 2018, World Jewish Population. *The American Jewish Year Book*, 118, eds. A. Dashefsky and I. M. Sheskin, 361–452. Dordrecht, Springer, 955.

Goodman, S. W., 2010, Integration Requirements for Integration’s Sake? Identifying, Categorizing and Comparing Civic Integration Policies. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 36 (5), 753–772. DOI: 10.1080/13691831003764300

Khanin, V. (Z). and A. Epstein, 2010, Vozvrascheniye na Rodinu ili trudovaya emigratsiya? Russkoyazychnye Izrail’tyane v Rossii [Return to the Homeland or Work Emigration? Russian-speaking Israelis in Russia]. *DiasporasDiaspory*, 1, 101–128.

Khanin, V. (Z.), 2021, From Russia to Israel — and Back? Transnational Russian Israeli Diaspora. Berlin and Boston, De Gruyter, 334.

Kolosov, V. and O. Vendina, 2011, Povsennevnaya zhizn' i migratsii naseleniya (na primere belgorodsko-kharkovskogo uchastka granitsy) [Daily life and the population migration (the case of Belgorod-Kharkov chapter of the border)]. *Rossiysko-Ukrainskoye pogranchye: 20 let razdelenogo yedinstva* [Russian-Ukrainian Borderland: 20 Years of the divided unity], eds. Kolosov, V. and O. I. Vendina, 162–180. Moscow, Novyi khronograph, 352.

Remennik, L., 2006, Russian Jews in the Global City of Toronto: A Pilot Study of Identity and Social Integration. *ESPACE, POPULATIONS, SOCIETES*, 1. 61–81, <https://doi.org/10.4000/eps.1235>

Revhun, U. and I. Pupko, 2010, Krovim-Rehokim: hagira, Zehut Yehudit ve-Zika le Moledet ba'kerev ha-israelim ba-hu'l [Distant Close Ones: Emigration, Jewish Identity and Vision of the Motherland of Israelis Abroad]. Research Report. Jerusalem: Hartman Institute of Contemporary Jewry, The Hebrew University of Jerusalem, 5–6 (in Hebrew).

Sapritsky, M., 2016, Home in the Diaspora? Jewish Returnees and Transmigrants in Ukraine. *The New Jewish Diaspora: Russian-Speaking Immigrants in the United States, Israel, and Germany*, ed. Z. Gitelman, 60–74. New Brunswick, NJ.: Rutgers University Press, 2016, 338.

Soysal, Y. N., 2010, *Limits of Citizenship: Migrants and Post-national Membership in Europe*. Chicago, University of Chicago Press, 2010, 251.

Tartakovsky, E., E. Patrakov and M. Nikulina, 2017, Motivational goals, group identifications, and psychosocial adjustment of returning migrants: The case of Jews returning to Russia. *International Journal of Psychology*, 52 (1). 78–86, <https://doi.org/10.1002/ijop.12291>